
Революция 1917 г. в свете современных теорий

Федор Селезнев

Revolution of 1917 in the light of modern theories

Fedor Seleznev

(National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)

Юбилей бурных событий 1917 г. вновь придал актуальность старому спору «оптимистов», считающих, что революции можно было избежать, и «пессимистов», отстаивающих тезис о её неотвратимости. По мнению Ю.А. Петрова, представившего обзор современных тенденций развития историографии революции 1917 г., в новейших исследованиях «всё чаще высказывается взгляд, согласно которому глубинные причины русских революций следует искать не в провалах правительственной экономической политики, а в успехах российской модернизации с сопутствующими им трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному»¹.

Набор признаков движения общества по пути модернизации достаточно широк². Основными из них, на мой взгляд, являются индустриализация, урбанизация, переход от сословной стратификации к классовой, ускорение вертикальной и горизонтальной мобильности, стирание различий в условиях жизни и социальном статусе людей, замена патриархальной семьи партнёрской, демократизация правящего класса, бюрократизация управления и секуляризации культуры.

В российской науке подобное многоплановое восприятие модернизационного процесса утвердилось в 1990-х гг. (А.Г. Вишневский³, Б.Н. Миронов⁴). Множество сторонников приобрела теория модернизации, описывающая трансформацию традиционного (аграрного) общества в индустриальное⁵. В её рамках была создана целостная и логичная модель российской истории XIX – начала XX в., обоснованной в ходе состоявшейся в 1955 г. в США научной конференции «Преимущества и изменения». Итоги проходивших там дискуссий были подведены пять лет спустя в сборнике «Трансформация русского общества» (1960), редактор которого – С. Блэк – впоследствии написал книгу «Динамика модернизации: Изучение в сравнительной истории». Автор представил обобщённую российскую модель модернизации. Её первоначальной, «поверхностной», «военно-оборонительной» фазой он назвал реформы Петра I, когда преобразования затронули только технику и военное дело. Поражение России в Крымской войне, считает Блэк, повлекло новую «оборонительную» модернизацию, которая

© 2018 г. Ф.А. Селезнев

¹ Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 4–5.

² Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 59–66.

³ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 1999.

⁵ История России: теоретические проблемы. Вып. 2. М., 2013.

переросла в более широкую (реформы Александра II) и привела страну к экономическому рывку 1890-х гг. Но в её политической и социальной сфере сохранялись прежние ограничения. В результате возникла социальная напряжённость, которая, по мнению автора, и привела к революции⁶.

Во многом эта схема была принята учёными, работавшими в рамках данной теории. Идея о том, что толчок началу модернизации (реформы Петра I) дало государство, действовавшее в военно-оборонительных целях, сегодня является общепринятой. Однако исследователи по-разному оценивают роль Российского государства в ходе дальнейшего развития модернизационного процесса.

Блэк относил Российскую империю (вместе с Японией, Китаем, Турцией и Ираном) к группе стран, где традиционалистские правительства инициировали программы «защитной» модернизации для сохранения аграрных обществ и ограждения их от более радикальных изменений, возможных в случае натиска иностранных или внутренних модернизаторов⁷.

Однако, по мнению Л. Хеймсона, Российское государство (оплот традиционализма), запустив процесс модернизации в военной сфере, тормозило его во всех остальных областях, кроме того, не смогло «договориться» с появившимся в ходе модернизации средним классом⁸.

В.В. Леонтович, напротив, саму историю российского либерализма (от воцарения Екатерины II) видел в череде прогрессивных правительственных реформ⁹. Д. Ливен сделал вывод о ведущем характере бюрократии в процессе модернизации Российской империи¹⁰. С.В. Куликов, мобилизовав огромный массив источников, показал, что многие представители бюрократической элиты являлись носителями либеральной идеологии¹¹ (реформатором такого типа он считает и Николая II)¹².

По мнению «оптимистов», государство, инициировавшее в военных целях модернизацию, втянулось в неё и в результате изменилось само. Как доказывают «оптимисты», в XIX — начале XX в. в России, хотя и неравномерно, но в целом поступательно шёл процесс трансформации традиционного (аграрного) общества в современное (индустриальное). Со второй половины XIX в. до 1914 г. благосостояние людей в стране неуклонно возрастало. Политические конфликты, естественные для переходного периода, в ходе революции 1905–1907 гг. нашли приемлемое разрешение. Политическая ситуация стабилизировалась и, если бы не Первая мировая война, революции бы не случилось. Россию ждало превращение в одну из индустриально развитых европейских стран с парламентской демократией. Эту точку зрения в современной историографии наиболее глубоко и всесторонне обосновал Б.Н. Миронов¹³.

⁶ *Большакова О.В.* Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. 2003. № 2. С. 140–143.

⁷ *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу... С. 204.

⁸ См.: *Хеймсон Л.* Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6.

⁹ *Леонтович В.В.* История либерализма в России (1762–1914). М., 1995.

¹⁰ *Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; L., 1989.

¹¹ *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

¹² См.: *Куликов С.В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4.

¹³ *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010; *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. СПб., 2015.

Если «оптимисты» считают, что «прогрессивное» государство могло мирным путём и постепенно модернизировать «архаичный» российский социум, то «пессимисты» придерживаются иной точки зрения. По их мнению, это не могло быть осуществлено в рамках социально-политического устройства России второй половины XIX – начала XX в., так как структуры традиционного общества всеми силами сопротивлялись модернизации. Поэтому реализуемый «сверху» модернизационный процесс вёл к нарастанию конфликтности во всех сферах жизнедеятельности общества (В.В. Шелохаев¹⁴), в итоге революция 1917 г. стала его традиционалистской реакцией на происходившие в стране изменения (В.П. Булдаков¹⁵).

Однако и Булдакову непосредственной причиной революции видится Первая мировая война, давшая оружие в руки архаичного охлоса¹⁶. Таким образом, «пессимисты» и «оптимисты» сходятся в том, что определяющее значение для падения «старого порядка» имело вступление России в войну. Именно она, с точки зрения «оптимистов», нарушила эволюционный путь развития России, а, по мнению «пессимистов», обострила уже имевшиеся противоречия. Как видим, по этому вопросу в научном сообществе существует согласие¹⁷.

Однако острые споры по-прежнему вызывает проблема механизма революции: была ли она стихийной, или её организовали определённые политические силы? Для Булдакова Февральская революция – триумф бунтующей массы¹⁸. А.В. Шубин пришёл к выводу о самостоятельной роли «низов» в Феврале 1917 г. и равной значимости их действий по сравнению с элитами¹⁹. Для этого исследователя, как и для С.А. Нефёдова, именно социальные проблемы (в частности нехватка хлеба)²⁰ стали причиной революции. Но оппонент апологетов её стихийности Миронов задаёт резонный вопрос: «Можно ли сказать, что сотни тысяч людей, вышедших на улицы Петрограда на всеобщую политическую забастовку в конце февраля, не побуждались и не подталкивались, не убеждались и не склонялись к этому, т.е. представляли собой корабль без руля и ветрил?!²¹». В.А. Никонов также уверен в том, что «революций не бывает без революционеров», революции «рукотворны», и все массовые акции имеют своих инспираторов²². Эта мысль может быть положена в основу объяснения феномена революции с точки зрения теории элит.

На мой взгляд, главный признак принадлежности того или иного исторического деятеля к политической элите – степень его влияния на принятие политических решений. Поэтому, взяв за основу подходы, предложенные О.В. Гаман-Голутвиной, я назвал бы политической элитой социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия решений, связанных с управлением государством²³.

¹⁴ См.: Шелохаев В.В. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2.

¹⁵ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

¹⁶ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015.

¹⁷ Россия в годы Первой мировой войны / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. Новейший обзор современной западной историографии по этой теме см.: Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции... С. 10–12.

¹⁸ Булдаков В.П. Красная смута... С. 669.

¹⁹ Шубин А.В. Мифы Февральской революции // Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007.

²⁰ См.: Нефёдов С.А. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11; Шубин А.В. Конспирологи о причинах Февральской революции // Историческая экспертиза. 2014. № 1.

²¹ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 648.

²² Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011.

²³ См.: Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Политические исследования. 2000. № 3.

Взаимодействие правящей элиты и внеэлитных социальных групп, удовлетворяющее обе стороны, — залог стабильности государства. Необходимым условием для этого является наличие механизма обновления элиты, которая, согласно теории В. Парето, подвержена старению. Молодая элита легко втягивает в себя активные социальные элементы из низших слоёв, она сильна и энергична. Но на определённом этапе доступ в элиту активных элементов затрудняется. Здесь-то, согласно Парето, и начинает складываться контрэлита — волевые люди, желающие участвовать в управлении государством. Однако они лишены этой возможности из-за непроницаемости правящей элиты. По мере её замыкания в себе и дряхления, отторгнутые от власти носители политической энергии начинают консолидироваться и становятся «контрэлитой». Последняя тогда свергает власть прежней элиты и устанавливает свое господство, когда та впадает в «старческое» состояние²⁴. Считаю, что именно это явление — замену элиты контрэлитой — историкам и следует называть революцией.

Исторические наблюдения подсказывают, что контрэлита не имеет общепризнанного лидера и не отличается внутренним единством. Принадлежность к ней определяется приверженностью политического активиста к определённом идеологическому проекту. В случае с революцией 1917 г. — это социализм. Соответственно, формирование контрэлиты в Российской империи следует отнести к 1870-м гг., когда социализм народнического толка стал идейным знаменем оппозиционной интеллигенции.

Участники народнического движения или их идейные наследники стояли у истоков заявивших о себе в конце XIX — начале XX в. социалистических партий. В центре внимания историков до сих пор были их центральные органы и лидеры, из-за чего утвердилось мнение о постоянной борьбе и идеологических разногласиях между большевиками, эсерами и меньшевиками. Однако на низовом уровне они эффективно сотрудничали, борясь с царизмом. На нижегородском материале это прекрасно показал В.П. Сапон²⁵. Причём к оппозиционному масову примыкали и кадеты, многие из которых в молодости участвовали в народническом движении и симпатизировали идеям социализма²⁶. Имело место явление, которое И.В. Нарский, опираясь на данные по Уралу, назвал «ситуацией партийной нерасчленённости». По мнению учёного, в 1905—1907 гг. в российской провинции на авансцену политической жизни выдвинулся «общеопозиционный тип деятеля», практическая активность которого «предусматривала участие и в социал-демократической, и в социал-революционной, и в конституционно-демократической работе»²⁷.

По сути, провинциальная оппозиционная интеллигенция представляла собой единое в идейно-политическом плане «поле», в котором «полюсами притяжения» были комитеты партии эсеров, РСДРП(б) и кадетов. Между ними

²⁴ Pareto V. The Rise and Fall of the Elites: The Application of the Theoretical Sociology. N.Y., 1968; *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2008; *Парето В.* Трансформация демократии. М., 2011. Подробный анализ взглядов Парето см.: *Осипова Е.В.* Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. СПб., 2004.

²⁵ *Сапон В.П.* Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период). Н. Новгород, 2014; *Сапон В.П.* Нижегородская губерния в 1916—1917 гг.: от «феврализма» к большевизму. Н. Новгород, 2017.

²⁶ См. подробнее: *Селезнев Ф.А.* Либералы и социалисты — предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9.

²⁷ *Нарский И.В.* Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Ч. I. Челябинск, 1995. С. 145.

(иногда и внутри них) шла острая идеологическая борьба (особенно в период избирательных кампаний), которая не исключала взаимопомощи в борьбе с самодержавием, но не на официальном, а на неформальном уровне²⁸.

Правда, если эсеров, большевиков и меньшевиков можно целиком отнести к контрэлите, то у кадетов это правомерно делать лишь в отношении их левого крыла (доминировавшего в провинциальных организациях партии Народной свободы). Да и оно находилось на периферии контрэлиты. Её пассионарное ядро составляла РСДРП(б): в 1905–1907 гг. партия 20-летних во главе с 30-летними лидерами. Несколько старше были эсеры. У кадетов же тогда преобладала сверстническая группа 40-летних (в 1917 г. — 50-летних)²⁹. Солидный возраст, наличие семьи, профессии, достаточно высокий статус в рамках существовавшей социально-политической системы обуславливали их политическую осторожность и заставляли отдавать предпочтение легальным, парламентским методам борьбы. А это не позволяло кадетам занять высокое положение внутри контрэлиты, где доминировали «профессиональные революционеры», порвавшие с системой.

Согласно Парето, появление контрэлиты — верный признак дряхления элиты. Именно в конце XIX — начале XX в. её состояние в России можно определить как кризисное. Признаком этого стало нарушение эффективного взаимодействия между правителем и элитой. В идеале первый должен выражать коллективную волю второй. Однако при этом правитель не является её марионеткой: обладая «правом решающей подписи», именно он наделяет членов элиты властными полномочиями и другими ресурсами. Поэтому все члены элиты зависимы от правителя и (как и все в обществе) обязаны подчиняться ему.

Как известно, М. Вебер выделял три вида оправданий подчинения правителю: рациональное (право властвовать представлено правителю законом); традиционное (правитель получил власть в силу обычая) и харизматическое (правитель властвует в силу своих особых личных качеств — героизма, мудрости и т.п.). Тип взаимодействия правитель—элита в рамках аграрного общества можно вслед за Вебером назвать *патримониализмом*, особенностью которого является личностный характер служебных отношений. При переходе к индустриальному обществу личная служба государю превращается в безличную службу государству. Патримониальное чиновничество трансформируется в рациональную бюрократию современного типа.

Уже к концу XVIII в. российский чиновник, по оценке Миронова, по многим признакам приблизился к нарисованному Вебером образу рационального бюрократа³⁰. Процесс складывания данного типа бюрократии продолжился в царствование Александра I. Этому способствовали: отделение придворной службы от гражданской, введение образовательного ценза при замещении государственных должностей и увеличение их числа в связи с созданием министерств, установление чёткой системы чинопроизводства. Возникла устойчивая иерархия профессиональных управленцев³¹. Её верхушка (то, что Куликов называет «бю-

²⁸ См. подробнее: Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2006. С. 24–28.

²⁹ См. подробнее: Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2001. С. 33–34.

³⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2000. С. 162–167.

³¹ Шенелёв Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 74–84.

рократической элитой»³²) в XIX — начале XX в. стала интегрирующим элементом правящей элиты.

В связи с этим традиционный тип оправдания власти монарха должен был смениться рациональным. Но этого не произошло: новый стиль отношений монарха и элиты так и не был выработан. Р. Уортман, описывая конец эпохи Николая I, отмечает, что высшая элита «всё более скептически относилась к дворцовым презентациям»³³. Историк считает возможным зафиксировать крах сценария власти. Хотя правильнее было бы говорить не о крахе, а о кризисе, обычном для всякого переходного этапа. Однако он принял затяжной характер, а в конце XIX — начале XX в. усугубился дряхлением элиты при консолидации противостоящей ей пассионарной контрэлиты. Эту ситуацию в 1915 г. описал И.Г. Щегловитов: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции»³⁴.

Николай II пытался увеличить пассионарность правящей верхушки Российской империи. При нём важные правительственные назначения получили политики нового, «публичного» типа (П.А. Столыпин, Н.А. Маклаков, А.Н. Хвостов)³⁵. Царь искал социально активных людей и вне политической среды. В этом свете нужно рассматривать поддержку Николаем II на определённом этапе иеромонаха Илиодора, возвышение Г.Е. Распутина и формирование *камарильи*. Определение этого понятия предложил И.В. Лукоянов: «не предусмотренная законодательством система принятия и реализации важных политических решений, за которой стоят безответственные (то есть не занимающие ключевых постов в административном аппарате) и некомпетентные лица, получившие доступ к царю или крупнейшим сановникам». Членов камарильи историк называет «людьми ниоткуда», парализующими обычную деятельность управленческого аппарата»³⁶.

Элита отрицательно восприняла возникновение камарильи (в публицистике того времени именуемой «тёмными силами»). Глухое недовольство монархом в среде высшей бюрократии, по оценке Куликова, нарастало всё сильнее: «Наличие у царя неофициальных советников (А.М. Безобразов, Н.А. Демчинский, А.А. Клопов, кн. В.П. Мещерский, кн. Э.Э. Ухтомский, Филипп) вызывало раздражение... Сановники испытывали к ним ревность, доходившую до ненависти»³⁷.

На этой почве между царём и элитой возник конфликт, принявший наиболее острую форму в годы Первой мировой войны, когда олицетворением «тёмных сил» в глазах элиты стал Распутин. Элита обвиняла последнего в том, что он пагубно влияет на Николая II, побуждая монарха к подготовке сепаратного мира с Германией. Однако подспудно в стремлении к миру, по сути, обвинялся сам император. Накануне Первой мировой войны он стремился удержать Российское государство в стороне от глобального британо-германского конфликта. Царь

³² См.: Куликов С.В. Бюрократическая элита...

³³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. С. 533.

³⁴ Цит. по: Пайнс Р. Русская революция. В 3 кн. Кн. I. М., 2005. С. 333.

³⁵ Характеристику российских политиков «публичного» типа на примере П.А. Столыпина и А.Н. Хвостова см.: Куликов С.В., Селезнев Ф.А. Нижегородский этап карьеры А.Н. Хвостова (1910–1912 гг.) // Вопросы истории. 2015. № 3. С. 129–131.

³⁶ Лукоянов И.В. Камарилья // Россия и Первая мировая война (материалы международного colloquium). СПб., 1999. С. 231.

³⁷ Куликов С.В. В лучших традициях отечественной археографии // Российская история. 2015. № 3. С. 193, 194.

пытался балансировать между Францией и Германией, одновременно дистанцируясь и от Германии, и от Англии³⁸. Между тем правящая элита в своём большинстве, наоборот, стремилась прочно встроить Россию в Антанту. В результате усилий антантофилов из элиты (А.В. Кривошеин, С.Д. Сазонов, вел. кн. Николай Николаевич и др.) летом 1915 г. ушли в отставку министры, составлявшие личную опору Николая II (В.А. Сухомлинов, Н.А. Маклаков, И.Г. Щегловитов, В.К. Саблер)³⁹.

Далее, с целью предотвратить выход России из войны и отодвинуть от царя «тёмные силы», представители элиты устроили фронду. Это понятие в рамках своей элитологической концепции широко использует С.А. Кислицын, понимая под ним любую «мягкую оппозицию» власти⁴⁰. Вспомним, однако, что собой представляло во Франции XVII в. реальное движение, названное фрондой. Как известно, тогда аристократы в своём противостоянии с Анной Австрийской и кардиналом Мазарини взяли в союзники горожан и Испанию. Таким образом, если точно следовать исторической аналогии, под фрондой следует понимать деятельность не только умеренных противников правящего режима, но и части элиты, призвавших на помощь внеэлитных политиков и внешние силы.

Вопрос о внешнем факторе как причине революции 1917 г. давно обсуждается как в политической публицистике, так и в исторической науке. В этом контексте обычно идёт речь о немецкой финансовой помощи большевикам и проблеме «Великобритания и Февральская революция». В.И. Старцев показал, что «документы Сиссона», на которых прежде всего основывались обвинения В.И. Ленина в связях с германскими военными, являются фальшивкой, и осветил механизм её фабрикации⁴¹. Из работ С.М. Ляндреса и Г.Л. Соболева следует, что деньги из Германии действительно поступали к большевикам, но через посредников. К тому же их получение не было обусловлено выполнением каких-либо обязательств. В целом «немецкое золото» не сыграло в ходе революции значительной роли⁴². Это ещё раз показала публикация документов о вооружённом выступлении большевиков 3–5 июля 1917 г. в Петрограде⁴³.

Что же касается англичан, то в современной историографии существует мнение об их активном вмешательстве во внутренние дела России на стороне либеральной оппозиции⁴⁴. Куликов даже приводит сведения о финансировании официальными представителями Британской короны (А. Мильнер, Дж. У. Бьюкенен)

³⁸ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: Цели, задачи и методы. М., 2012. С. 127.

³⁹ Подробнее см.: Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017.

⁴⁰ Кислицын С.А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. М., 2011.

⁴¹ Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция: Ненаписанный роман Фердинанда Осендовского. СПб., 2006.

⁴² См.: Lyandres S. The Bolsheviks' «German Gold» Revisited: An Inquiry into the 1917 Accusations. Pittsburgh, 1995; Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году // Отечественная история. 1993. № 2; Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009.

⁴³ Гайда Ф.А., Селезнев Ф.А. [Рец. на]: Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооружённом выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г.: Сборник документов. В 2 кн. / Под ред. О.К. Иванчиковой. М., 2012 // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XXII. М., 2017. С. 540–541.

⁴⁴ Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, паризм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009; Холяев С.В. Государственная дума Российской империи против Николая II: путь к Февралю (1915–1917 годы). Ярославль, 2013.

революционного движения⁴⁵. Е.Ю. Сергеев считает эту точку зрения несостоятельной, поскольку документы английских архивов не дают оснований для утверждений о том, что официальный Лондон готовил революцию в стране-союзнице⁴⁶.

Впрочем, взаимодействие английских должностных лиц с российскими оппозиционерами, несомненно, имело место, причём на самом высоком уровне. Во время заграничной поездки П.Н. Милюкова летом–осенью 1916 г. с ним встретились ключевые фигуры британского кабинета — Г. Асквит, Д. Ллойд Джордж и Э. Грэй. В Лондоне лидер кадетов получил информацию, компрометирующую российского премьера и министра иностранных дел Б.В. Штюрмера, которую использовал при подготовке своей знаменитой думской речи 1 ноября 1916 г.⁴⁷ Это выступление Милюкова стало пиком фронды. Началом же её следует считать август 1915 г., когда с подачи антантофилов из элиты (Кривошеин) в Государственной думе и Государственном совете формировался Прогрессивный блок на базе доведения войны до победного конца. В это объединение вошла, с одной стороны, примыкавшая к элите дворянско-бюрократическая часть депутатов этих представительных учреждений (за исключением крайне правых), с другой — солидарные с контрэлитой фракции кадетов и прогрессистов.

Кадеты стали тем «мостом», который соединил контрэлиту с фрондёрами из элиты. Участие в этой политической комбинации открывало для кадетов перспективу трансформации политической системы России в желательном для них направлении. Ради этого они и пошли на создание Прогрессивного блока⁴⁸. К фронде подключились и некоторые оставшиеся вне этого блока депутаты. Самой колоритной фигурой среди них был В.М. Пуришкевич. Мастерски написанная биография этого яркого политика вышла из-под пера А.А. Иванова⁴⁹.

Весьма востребованной оказалась бы и написанная в похожем ключе научная биография одного из главных основателей фронды — А.И. Гучкова. Во многом через него, как показал О.Р. Айрапетов, были налажены связи между оппозицией и верхушкой генералитета⁵⁰. Лидер октябристов сыграл ключевую роль и в организации отречения Николая II, обстоятельства которого, по мнению М.М. Сафонова, требуют дополнительного изучения⁵¹. Из приводимых Куликовым данных следует, что по линии Центрального военно-промышленного комитета Гучков объединил участников подготовки дворцового переворота (А.И. Коновалов, М.И. Терешенко, Н.В. Некрасов, П.П. Рябушинский, Г.Е. Львов, М.В. Челноков, М.М. Фёдоров и др.), а через Рабочую группу при том же комитете имел связи с социалистической контрэлитой⁵². 1–3 марта 1917 г. он руководил Военной комиссией Временного комитета Государственной думы. В этом качестве

⁴⁵ Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года // Российская история. 2012. № 1. С. 78.

⁴⁶ Сергеев Е.Ю. Британия и Февральская революция 1917 года в России (по материалам британских архивов) // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 15.

⁴⁷ Селезнев Ф.А. Поездка П.Н. Милюкова по Западной Европе в июле–сентябре 1916 г. и её политические последствия // Российская история. 2017. № 3. С. 102.

⁴⁸ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 376.

⁴⁹ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич — опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011.

⁵⁰ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 4. М., 2015. С. 52–55.

⁵¹ См.: Сафонов М.М. Ложь и правда об отречении Николая II // Нестор. № 3. Между двух революций 1905–1917: Источники, исследования, историография. СПб., 2005.

⁵² Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет... С. 70, 73, 77.

Гучков нейтрализовал поход генерала Н.И. Иванова на Петроград и существенно способствовал падению старого режима.

Состав и деятельность Военной комиссии, так же, как и роль Государственной думы в Февральской революции, детально проанализированы в фундаментальной монографии А.Б. Николаева⁵³. Здесь, в частности, доказано, что 27 февраля — 2 марта Временный комитет Государственной думы являлся руководящим центром переворота. Для его успеха фрондёры из Государственной думы привлекли к совместным действиям социалистическую контрэлиту, позволив ей создать в Таврическом дворце свой верховный орган — Петроградский совет рабочих депутатов.

Маловероятно, чтобы кто-либо из фрондировавших представителей элиты стремился к передаче власти эсерам или социал-демократам. Однако социалистическая контрэлита, выйдя на политическую арену, сумела превратить февральские события, начавшиеся как дворцовый переворот, в революцию, которая смела старую элиту. Таким образом, Февраль 1917 г. стал результатом раскола правящего класса царской России, часть которого, чтобы предотвратить действительную или мнимую угрозу заключения Николаем II сепаратного мира с Германией, пошла на союз с контрэлитой и способствовала тем самым падению прежнего режима.

Между тем крах монархии, как справедливо отметил Ф.А. Гайда, в конечном счёте, повлёк за собой «и гибель всех составных частей элиты», в том числе бюрократии и либеральной интеллигенции⁵⁴. На российской политической арене остались лишь соцпартии и кадеты, которым и в 1917 г. социалистический идеал был не чужд⁵⁵. Далее началась схватка за власть внутри победившей контрэлиты. Составлявшие её разнородные элементы повели борьбу за право занять место старой элиты. Из их среды выдвигались вожди — претенденты на то, чтобы возглавить новую, легитимную в глазах общества власть на правах харизматического правителя.

Первым на роль вождя пробовался А.Ф. Керенский⁵⁶. Как известно, он сменил на посту премьера кн. Г.Е. Львова, фрондёра из старой элиты, чья политическая слабость была обусловлена его чуждостью победившей контрэлите. Интересно, что после штурма Бастилии французское правительство возглавил такой же политик переходного типа — Ж. Неккер. Компаративистика требует от нас проводить параллели между Великой французской революцией XVIII в. и революцией в России в 1917 г. и дальше. Как и во Франции, победившая в Российском государстве контрэлита разделилась на радикалов и умеренных. Радикальный полюс представляли большевики, умеренный — конституционные демократы. В течение 1917 г. большевики консолидировались с наиболее пассионарными элементами контрэлиты (межрайонцы, левые эсеры, анархисты), что позволило им захватить политическую власть в ходе Октябрьской революции и одержать победу над менее пассионарными кадетами и правыми эсерами в ходе Гражданской войны. Победив, большевики доказали своё право сформировать новую (советскую) элиту.

⁵³ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002.

⁵⁴ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 513.

⁵⁵ См.: Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и предприниматели в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 6; Селезнев Ф.А. Министры-кадеты и экономическая политика Временного правительства (март–июль 1917 г.) // Вопросы истории. 2007. № 8; Гайда Ф.А., Селезнев Ф.А. К вопросу о социалистическом характере политики Временного правительства // Русский сборник... Т. XXII.

⁵⁶ Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М., 2017.